

Глава I. МАРТ 1917 – НОЯБРЬ 1918

Шел 1914 год. Весь мир облетело известие о начале войны. В ее кровавый котел правительствами 28-ми государств было брошено около 74 миллионов человек.

Уже в конце первого года войны полуголодная, плохо вооруженная, русская армия, во главе которой нередко стояли бездарные ставленники царя, начала терпеть поражение за поражением.

Тяжелым грузом легла война на плечи рабочих и крестьян, вызвав разорение и голод.

Массовое революционное движение завершилось победой Февральской буржуазно-демократической революции. Царь отрекся от престола. К власти пришло Временное правительство во главе с Керенским[14].

На Украине победа Февральской революции вызвала подъем национально-освободительного движения. На многочисленных собраниях, митингах, конференциях украинские крестьяне, рабочие, солдаты и интеллигенция, наряду с лозунгами «земли», «мира», «хлеба», «восьмичасового рабочего дня», политических свобод, требовали свободы украинскому народу.

4 марта 1917 г. был создан единый националистический всеукраинский центр — Украинская Центральная Рада во главе с М. Грушевским[15], в состав которой вошли все украинские партии. Конгресс и избранная на нем Центральная Рада заявили о своей солидарности с Временным правительством и добивались от него национально-территориальной автономии Украины в рамках федеративной буржуазно-демократической России.

В борьбу за дальнейшее развитие революции включились левые партии и партия РСДРП(б).

И мая 1917 г. в харьковском «Пролетарии» был опубликован «Проект наказа о выборах делегатов в Советы рабочих и солдатских депутатов», разработанный Петроградским комитетом РСДРП(б). В нем говорилось, что рабочий или солдатский депутат должен пропагандировать следующее: закончить грабительскую войну справедливым миром можно только против воли сегодняшнего правительства, только устранив власть помещиков и капиталистов; все земли в стране должны перейти бесплатно к крестьянам, взять эти земли крестьяне должны немедленно; установления рабочего контроля над производством и ввода восьмичасового рабочего дня; вся власть в стране должна принадлежать только Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, никакого доверия правительству капиталистов, никакого доверия «оборонческим» партиям; всеобщее вооружение народа.

Большевистские организации Украины широко популяризировали проект наказа среди рабочих, солдат и крестьян.

Центральная Рада расплывчато заявляла, что, добившись для Украины автономии, даст крестьянству землю, введет восьмичасовой рабочий день на фабриках и заводах, обуздает аппетиты хозяев, будет содействовать немедленному прекращению войны.

Чтобы завоевать доверие масс на обещания никто не скупился.

В мае-июне на Украине происходили перевыборы в Советы, шла расстановка сил.

Призыв большевиков о немедленном организованном захвате помещичьих земель поднимал крестьян Украины на решительную борьбу. Центральная Рада после первого серьезного конфликта с Временным правительством (отказ признания автономии Украины) опубликовала свой I Универсал и создала правительство.

Но непоследовательная, трусливая позиция Рады по отношению к Временному правительству Керенского вызвала недоверие к ней трудящихся. Объединенная же буржуазия, продолжая наступление на революционные силы, готовилась к установлению военной диктатуры во главе с генералом Корниловым.

Центральная Рада, находящаяся в Киеве, пыталась расширить свое влияние на всю территорию Украины. Стремясь отмежеваться от Советской власти в России, не признавая ее рабоче-крестьянское правительство, Центральная Рада 7 ноября 1917 г. издала III Универсал, который провозглашал создание «Украинской Народной Республики». В этом Универсале Центральная Рада обещала передать землю крестьянам, ввести 8-ми часовой рабочий день для рабочих и государственный контроль над производством.

Советское правительство не желало мириться с действиями Центральной Рады и 3 декабря 1917 г. приняло Манифест, в котором клеймило контрреволюционную политику Центральной Рады.

Совет Народных Комиссаров в ультимативной форме потребовал от Рады отказаться от дезорганизации единого революционного фронта, прекратить пропуск контрреволюционных войск на Дон, разоружение советских полков и Красной гвардии. Центральная Рада предупреждалась, что в случае неполучения в течение 48 часов положительного ответа будет считаться, что она находится в состоянии открытой войны с Советской властью в России и на Украине.

Центральная Рада в ответе на ультиматум указала на недопустимость ущемления прав украинского народа Советским правительством России, на вмешательство во внутренние дела суверенной Украины. Тогда же, 4 декабря, Генеральный секретариат разослал всем губернским продовольственным комитетам Украины телеграфное распоряжение о запрещении вывоза хлеба в Петроград, Москву, северные губернии, Северный и Западный фронты. Отношения резко обострились.

3–5 декабря 1917 г. в Киеве прошел съезд РСДРП(б) юго-западного края. На нем присутствовало 47 делегатов с решающим голосом от Киевской, Полтавской, Черниговской, Подольской, Волынской, Екатеринославской и Херсонской губерний.

4 декабря в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов, на котором присутствовало около 2000 делегатов от «селянских спилок» и украинизированных воинских частей.

Член оргбюро по созыву съезда В. П. Затонский вспоминал: «В назначенный (для открытия съезда) час наша группа (большевиков) подошла к столу президиума, разместившись возле колонны. Мне было поручено открыть съезд. Заметив наш маневр, лидеры украинских эсеров бросились к столу. Подбежали они именно в ту минуту, когда я высказал слово “товарищи”... Аркадий Степаненко, обойдя меня слева, уперся мне локтем в грудь, а Стасюк в ту же минуту схватил меня сзади обеими руками за шею, стянул таким путем с кафедры. В ту же минуту толпа (делегатов), возбужденная и явно выпившая, бросилась избивать большевиков. Тут всем нам досталось понемногу»[16].

Под возгласы «Слава Центральной Раде» и пение «Ще не вмерла Украина» съезд был открыт. Он утвердил деятельность Центральной Рады и уполномочил ее и впредь «стоять на защите интересов Украины», утвердил несколько обращений и призывов, направленных против большевиков и Советского правительства. Большевики, представители левых эсеров и социал-демократов покинули зал.

11 – 12 декабря в Харькове работал I Всеукраинский съезд Советов, проводимый большевиками в противовес Киевскому, проведенному Центральной Радой. На нем присутствовали около 130 делегатов от Советов Украины. Повестка дня: 1) текущий момент, 2) о самоопределении Украины, 3) об организации власти на Украине, 4) о Донецко-Криворожском бассейне, 5) выборы Центрального Исполнительного Комитета Совета Украины. За резолюцию — Украина как Федеративная часть Российской Республики — проголосовало 106 делегатов, двое воздержались, 12 не приняли участия в голосовании. За резолюцию объявить Центральную Раду вне закона, лишить ее власти и немедленно создать советский центр в лице ЦИК Советов Украины и передать ему правительственные функции проголосовали 110 делегатов. В конце работы съезда был избран ЦИК Советов Украины, в состав которого вошли 35 большевиков, 4 левых эсера, один левый украинский социал-демократ и один меньшевик-интернационалист[17].

14 декабря ЦИК Советов Украины отправил Совету Народных Комиссаров радиogramму, в которой отмечалось, что ответ Центральной Рады от 4 декабря на ультиматум Совета Народных Комиссаров был дан «не от имени украинского народа, а от имени лишь тех незначительных кругов украинской буржуазии, интересы которых она защищала».

17 декабря ЦИК Советов Украины избрал Советское правительство Украины.

Военная помощь от Советской России большевикам Украины поступала еще до съезда. Так 7 декабря 1917 г. в Харьков прибыли отряды Р. Сиверса и М. Хорвина, общей численностью в 1 500 человек, имея на вооружении 6 орудий и бронепоезд, отряд В. Егорова и др. Всего из центральной России и фронтов на Украину для борьбы против кадето-калединцев и

Центральной Рады в декабре прибыло около 20 тыс. человек[18].

В стране усложнилась ситуация с продовольствием. Начинаясь голод. 15 января В. И. Ленин телеграфировал чрезвычайному комиссару Украины С. Орджоникидзе: «Ради бога принимайте самые энергичные революционные меры для поставки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околоть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ленин»[19].

В заготовке хлеба на Украине основное значение придавалось Полтавской, Екатеринославской и Херсонской губерниям.

Орджоникидзе откликнулся тем, что на Херсонском губернском съезде провел постановление, где говорилось, что все крестьяне, имеющие хлебные излишки, обязаны в десятидневный срок вывезти хлеб на ссыпные пункты. Лица не исполнившие этого, передаются народному революционному суду, а хлеб конфискуется.

То же самое было в Полтавской и Екатеринославской губерниях.

Советское правительство провозгласило поход рабочих на село. Тысячи рабочих Петрограда, Москвы и других городов организовались в продовольственные отряды. Ухудшилось положение с хлебом на Украине. В Харькове выдавали по 1/2 фунта на душу, и то нерегулярно. В Екатеринославе и Мариуполе до 1 фунта. Аналогичное положение было и в других городах Украины[20].

1 февраля 1918 г. был создан Совет Народных Комиссаров Донецко-Криворожской республики. Так на Украине в начале 1918 г. в результате политической борьбы возникло три «законных» правительства. Одно — националистическое, второе — большевистское и третье — Донецко-Криворожская республика во главе с большевиками.

В связи с революцией в России и прекращением ею военных действий против Священного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) державы Антанты были поставлены в очень затруднительное положение. Они не хотели терять поддержку русской армии, которая отвлекала на себя много сил Германии и Австрии.

Но России было не до чужих бед, внутри страны, полуразрушенной четырёхлетней войной, шла гражданская война. Принятый Декрет о мире определил ее отношение к войне. Поэтому Антанта делала ставку на сторонников старого режима, желая его реставрации.

9 декабря 1917 г. советская делегация в Брест-Литовске начала переговоры о мире. 11 декабря Центральная Рада послала туда свою делегацию. Генеральный секретариат Центральной Рады обвинил Советское правительство в том, что оно подписало перемирие на русско-немецком фронте без соглашения с ним и заявил, что отныне он становится на путь самостоятельных международных отношений, как и делегации других стран. 11 января 1918 г. Центральная Рада издала свой IV Универсал, в котором объявила Украинскую Народную Республику «самостоятельной суверенной державой украинского народа». 9 февраля был подписан мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Украинской Центральной Радой, с другой.

28 января советской делегации был предъявлен ультиматум: или аннексионистский мир, или война. Глава советской делегации Л. Троцкий заявил об отказе подписать мирный договор на предложенных условиях, об одностороннем прекращении войны и демобилизации Красной Армии. 18 февраля переговоры были прерваны, и за несколько дней были заняты Латвия, Литва, Эстония, города: Двинск, Минск, Полоцк, Псков.

3 марта 1918 г. делегация Советской республики все же подписала мирный договор с Германией и ее союзниками.

Центральная Рада, не имея достаточных сил для управления Украиной, обратилась к Германии с официальной просьбой о вооруженной помощи против большевиков. Немецко-австро-венгерские империалисты не заставили себя долго ждать. На Украину Германия направила 21 пехотную, две кавалерийские дивизии и одну кавалерийскую бригаду; Австро-Венгрия — 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии.

Советское командование на Украине могло противопоставить этой силе не более чем по 3 000 бойцов на киевском и одесском направлениях[21].

С конца февраля до начала мая вся территория Украины была разделена немцами на сферы влияния.

Пытаясь успокоить общественное мнение, Центральная Рада в своем обращении к народу писала: «Отныне немцы уже не враги нам, и мы призываем всех граждан Украинской Народной Республики спокойно и доверчиво встречать немецкие войска»[22]. В другом обращении говорилось: «Все свободы, установленные III и IV Универсалами, остаются и дальше. Профессиональные союзы, Советы крестьянские и рабочие должны и дальше вести свою работу... В это во все немцы не вмешиваются и никаких изменений делать не могут. Они приходят как наши приятели и помощники, чтобы помочь нам в трудную минуту нашей жизни, и не имеют намерения в чем-либо изменять наши законы и порядки, ограничивать самостоятельность и суверенитет нашей республики»[23].

В телеграмме немецкого канцлера Гертлингера премьер-министру Украинской Народной Республики Голубовичу говорилось: «Немецкие войска находятся в вашей стране. Я осмеливаюсь, однако, заявить, что как только вы удостоверитесь в том, что задача немецких войск выполнена, немедленно будет дан приказ о их выводе»[24].

В Киеве появились дипломатические представительства — немецкий посол барон А. Мумм и посол Австро-Венгрии граф И. Форгач. Этим подчеркивалось признание суверенитета Украины и законность ее правительства. Немецкий генерал фон Флаузис в обращении к населению Украины писал: «Мы идем как товарищи, а не как враги украинского народа. Мирные граждане и крестьяне, которые любят порядок, могут быть уверены, что немецкие солдаты помогут им»[25]. «Наши войска пришли вас защищать. Мы желаем... вернуть вам свободу и независимость»[26] — писал начальник немецкой дивизии граф Гольтц.

Практически же австро-немецкими властями был введен оккупационный режим, который полностью подчинял экономическую и политическую жизнь Украины интересам «освободителей». Они пренебрежительно демонстрировали свое отношение к культуре,

обычаям, национальным традициям украинского народа. Самым жестоким образом выкачивали продукты питания и сырье.

Центральная Рада противилась политике, проводимой Германией и Австро-Венгрией на Украине.

И уже 24 апреля 1918 г. германский посол Мумм докладывал министерству иностранных дел: «...Сотрудничество с нынешним правительством, принимая во внимание его тенденции, невозможно... Украинское правительство не должно препятствовать военным и экономическим мероприятиям германских властей. В частности, необходимо срочно предъявить украинскому правительству следующие требования...»[27]. И перечислил целый ряд требований, которые превращали бы украинское правительство в марионетку. Центральная Рада противилась давлению и 28 апреля была разогнана отрядом германских солдат. На следующий день в торжественной обстановке в помещении киевского цирка, под охраной войск оккупантов, «гетманом всея Украины» был провозглашен Скоропадский[28]. «...Новое правительство будет делать то, что мы считаем необходимым...», докладывал штаб германских войск на Украине главнокомандующему Восточным фронтом. На Украине был введен режим германских военно-полевых судов, публичных казней, карательных экспедиций, контрибуций, заложников и т. п.

В мае 1918 г. был создан новый гетманский карательно-полицейский орган — державная варта. Земля и заводы были отданы старым хозяевам — помещикам и фабрикантам. Права частной собственности — восстанавливались в полном объеме.

В приказе командующего германскими войсками на Украине Эйхгорна от 22 мая 1918 г. говорилось: «...Какая бы то ни была агитация, в особенности со стороны партии социалистов-революционеров и прежнего правительства, которая могла бы привести к новым волнениям в стране и подорвать авторитет нового правительства, должна быть решительно искоренена военной силой.

Необходимо применять самые беспощадные меры для того, чтобы задушить в зародыше повстанческое движение...»[29].

Широкие массы рабочих и крестьян с ненавистью отнеслись к гетманскому перевороту и резко протестовали против возрождения буржуазно-помещичьих порядков на Украине.

Политическое положение в это время характеризовалось, с одной стороны, усилением контрреволюции, а с другой — нарастанием революционной борьбы трудящихся масс. Властью были запрещены демонстрации, съезды, собрания. К инакомыслящим применялись жесточайшие репрессии.

Так, например, Екатеринославский губернский староста докладывал в особый отдел департамента державной варты: «16 июня Криворожским австрийским отрядом в деревне Лозоватке было расстреляно 10 и высечено 9 местных жителей за участие в грабеже и принадлежности их к большевистскому движению...

По донесению Мариупольского уездного старосты хлебное положение в Мариуполе катастрофическое...

17 июня в с. Владимировке Верхнеднепровского уезда венгерскому отряду, по требованию последнего, были выданы 16 человек зачинщиков грабежей и убийств, а также принимавших участие в уничтожении австро-венгерского отряда. Все 16 человек по приговору военно-полевого суда расстреляны, а избы их сожжены.

19 июня тот же отряд расстрелял в Гуляй-Поле 14 человек, а 5 отправил в Верхнеднепровскую тюрьму... В Красном Куте 4 человека наказаны розгами и взыскана контрибуция в 5 000 руб.

Северная группа венгерского отряда 21 июня прибыла в Мишурин Рог Верхнеднепровского уезда. Лица, замешанные в преступлениях, бежали, оружие не найдено. Взыскана контрибуция в 20 000 руб. и взято 4 лошади большевиков. В Куцеловке отобрано 86 винтовок, 2 ружья, 4 шашки, 850 патронов и один пулемет. Предложено всех виновных в преступлениях выдать в течение 8 дней»[30]. Этот же Екатеринославский губернский староста писал: «В с. Больше-Михайловке Александровского уезда австрийским карательным отрядом произведено разоружение этого села, и несколько человек предано смертной казни как заподозренных в вооруженном нападении на пятый участок варты. В с. Темировка Александровского уезда тем же отрядом расстреляно 7 человек и в. Алексеевке один человек»[31].

Забастовки и другие формы протеста против насилия и репрессий, особенно действия партизан, стали методом широкой борьбы трудящихся за свои права.

Развернувшаяся борьба показывала твердую решимость населения Украины изгнать завоевателей, ликвидировать власть гетмана, восстановить завоевания революции.

Сопrotивление росло и крепло. Из одиночных стихийных выступлений оно превратилось в организованное вооруженное движение.

Декреты о мире и земле — жили, работали.

Для концентрации и организации военной силы, необходимой в освободительной борьбе против оккупантов, на юге Украины Новоспасовской группой анархистов принято решение: подготовить восстание, вооружить повстанцев, организовать военные единицы, централизовать руководство, ввести военную дисциплину, разработать стратегический план борьбы, провести съезд — повстанческий или рабоче-крестьянский.

В начале июня я снова откомандирован на Кавказ. В мою задачу входило, используя старые связи в Ейске, Новороссийске, Туапсе, добыть оружие, найти добровольцев, изыскать возможность из Ейска высадить десант в районе Мариуполя. Все шло отлично. Везде я встречал понимание и действенную помощь, хотя многие находились в состоянии депрессии от бесполезно погибшего в районе Таганрога крупного десанта.

Было оружие и добровольцы. Но был и приказ: «Советскому военному командованию в г. Ейске 10 июня 1918 г. Германские власти заявляют: войска из Ейска совершают набеги на территории, занятые германскими войсками. Ставим на вид: установленная демаркационная линия ни в коем случае не должна быть нарушаема. Виновные будут подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом. Председатель Совнаркома Ленин»[32].

О погрузке на плавсредства в Ейске нечего было и думать. Тем не менее в ночь на 24 июля из Ейска к Мариупольскому берегу подошли три баркаса с 150 партизанами. Объединившись с местными повстанцами, они ночью вошли в город. Восстание началось одновременно в разных концах города. Часть повстанцев напала на казарму и штаб австро-венгерского полка и разоружила караул, заняла помещение державной варты и разоружила, разогнала заводскую стражу завода Никополь-Мариупольского товарищества, разоружила охрану порта, из предместий Слободки и Песчановки повела наступление на центр. Немецкое командование срочно перебросило в Мариуполь солдат баварской дивизии и венгерскую бригаду. После двухдневных боев восстание было подавлено. Десант был неудачным и последним.

В середине ноября 1918 г. я и мой друг по Кавказу И. Долженко[33] сели в Ейске в рыбацкую лодку и отбыли на Украину. Справившись с делами по побережью, мы в начале декабря причалили к берегу в Мариуполе. Уложив на спину сети, отправились в хатёнку старика, служившую нам резиденцией. Кроме старухи и двух ее сыновей, по профессии кузнецов, работавших на заводе «Русский Провиданс» до его консервации, в комнате никого не было. Ивана и Федора я знал еще с 1915 г. по подпольной работе. Старший, Иван, был коммунистом-большевиком, а Федор — анархистом.

Наш приход, видимо, был им приятен, и после коротких разговоров, позавтракав, мы улеглись спать, а они куда-то ушли.

Под вечер я проснулся. Старик сидел у стола и, улыбаясь, вертел в руках четверть самогона.

— Вставайте, товарищи, скоро будут гости, делегат приехал от Махно! — проговорил он.

Гости не заставили себя долго ждать. Не успели фонари осветить улицы, как в сопровождении Федора три незнакомца переступили порог. Один из них был Зуйченко[34], а остальные — местные анархисты. Вскоре пришел и Иван в сопровождении двух своих единомышленников.

Мы живо интересовались личностью Махно, желая о нем знать больше нежели повествовала бульварная пресса, подробностями истории организации, положением дел сейчас.

И Зуйченко начал продолжительное повествование:

— Это было в начале 1904 г. Я работал на заводе Кернера и состоял членом театрального кружка любителей. Однажды подходит ко мне Нестор Махно и просит принять его в артисты. Ну, чего раздумывать... смешить, так смешить публику. А он — что мальчик-с пальчик, вот так, по пояс мне. Приняли.

— А год рождения? А родители — живы? — перебил старик.

— Нестор Иванович Махно, — продолжал Зуйченко, — родился в 1888 г., 26 октября, в с. Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии, незадолго до того, когда его отец, бывший крепостной, от помещика Шабельского перешел к богатею Кернеру кучером.

Вскоре отец Нестора умер, а мать, не имея ни кола, ни двора, подёнщиной зарабатывала на пропитание пятерых сыновей[35].

На четырнадцатом году, окончив начальную школу, Нестор поступил в малярную мастерскую Будка. Красильные премудрости ему легко давались, и на втором году он мог себя считать подручным мастера.

К 1905 году в Гуляйполе назревала революционная ситуация. Настроение было революционное — боевое. Нам очень нравилась программа анархистов-коммунистов за то, что они активно наступали на капиталистический строй, минуя программу-минимум и буржуазную революцию и обещали в ближайшее время свободу, равенство, отсутствие власти (т. е. отсутствие прослойки паразитов), самоуправление. И как гарантии к программе призывали к террору над чиновниками царского государственного аппарата и эксплуататорами, к насильственной социальной революции, ближайшей высшей ступенью которой будет анархический коммунизм.

Появившийся в 1904 г. в Гуляйполе А. К. Семенюта[36] начал организационную работу по созданию группы бунтарей. После «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. в Гуляйполе приехал наш земляк, член екатеринославской группы анархистов-коммунистов Вольдемар Антони[37]. Прекрасный пропагандист, он сразу же получил признание среди школьных сверстников и друзей. Пропагандировал социальную революцию и гектографировал прокламации за подписью «Союз бедных хлеборобов» — название нашей группы единогласно принятое на собрании.

Руководителем группы был В. Антони, а его заместителями братья Семенюты Александр и Прокофий. Группа состояла из 50 активных членов — «боевиков», каждый из которых имел связь с четырьмя – пятью «массовиками», те есть сочувствующими.

Она имела связь с новоспасовской, екатеринославской, александровской, николаевской и другими организациями анархистов, среди которых именовалась «гуляйпольской группой анархистов-коммунистов-хлеборобов».

Антони из Екатеринослава, Москвы привозил прокламации, анархическую литературу, оружие.

Занятия у нас были почти ежедневно, на которых Антони и другие знакомили членов группы с работами Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, с политической экономией, историей культуры и всеобщей историей, астрономией, происхождением земли и жизнью на ней, происхождением человека на земле и прочее. Критиковали аграрную реформу Столыпина, которая разрушила остатки общин в крестьянстве. Весьма близкими и понятными для нас

были лозунги: «Долой самодержавие» и «Владыкой мира будет труд».

В нашем Гуляйполе был отличный любительский кружок театральной самодеятельности, который целиком вошел в организацию и аккуратно посещал массовки, лекции. Вместе с кружком в организацию влился и Н. Махно. Главная наша работа заключалась в распространении листовок, которые печатали и привозили Антони и братья Семенюты, а также вовлечении хороших ребят в организацию.

Товарищи постарше нас куда-то очень часто уезжали, откуда-то привозили деньги, револьверы, бомбы, динамит.

В противовес нашей деятельности стали проявлять активность помещики и кулаки, создав союз «истинно русских людей» («Союз архангела Гавриила»), под председательством пристава Караченцева, и имели в этом некоторый успех. Даже на заводах среди рабочих нашлись «истинно русские». Их основной лозунг был: «Бей жидов, спасай Россию». Ими было проведено несколько погромов.

Мы собрались и решили, покуда не поздно, надо их разогнать и нейтрализовать. Выпустили прокламацию, в которой заявляли от имени «Союза бедных хлеборобов», что «мы будем с вами бороться огнем и оружием». Первой, как самой рьяной, наши ребята подожгли хозяйство помещицы Черноглазихи, игравшей первую скрипку в их союзе, а потом запольхали ближние и дальние усадьбы, и пошли пожары во все стороны. «Истинно русских» как водой смыло. Победа была наша.

Александровский уезд, естественно, и Гуляйполе с 1905 по 1907 гг. были объявлены на военном положении. Это обстоятельство очень сковывало нашу деятельность так как в беспокойных селах и крупных усадьбах на постое стояли казаки. Периодически Гуляйполе наводнялось казаками, шпиками, провокаторами. Мы чувствовали, что нас нащупывают. Поэтому к концу 1907 г. половина «боевиков» конспирировалась, а вторая половина стала на путь террора, ликвидируя сыщиков, полицейских, экспроприируя средства у местной буржуазии.

Для обнаружения участников группы полиция пустила в ход обычное российское орудие — провокацию. Среди участников группы были доносчики, но предоставлять сведения полиции им было опасно и не выгодно. Однако пристав Караченцев — продолжал Зуйченко — в начале 1908 г. арестовал Антони, меня, Егора и Антона Бондаренко, Сергея Заблодского, Петра Онищенко[38], Клина Кириченко и, обвинив в распространении листовок, «зажигании помещиков» и нападении на стражников, в административном порядке сослал на восток, Антони, продержав месяц в тюрьме, выпустили. Меня сослали в Челябинск. Я бежал. Поймали, сослали — опять бежал.

В частичном раскрытии группы виновным оказался доносчик Андрей Гура, который за нарушение клятвы был убит Прокофием Семенютой. Полиция стала буквально охотиться за членами организации. Были расклеены объявления, в которых описывались приметы Антони и А. Семенюты, за их поимку предлагалась крупная сумма денег. Мы еще больше конспирировались и стали заниматься налетами. В связи с этим были распределены

обязанности. Н. Махно была поручена отливка бомб на заводе Кернера, куда он поступил чернорабочим, а потом стал литейщиком. Одновременно он развозил листовки и участвовал в мелких налетах.

В начале июля 1908 г. мы собрались на совещание в хате Левадного[39]. Обсуждали там вопрос, как оборудовать типографию и обеспечить периодическое издание. Денег у нас было много. В Екатеринославе мы взяли тысячонок десять, в Александровске — пяток, а Александр Семенюта в Ногайске побывал и в Мелитополь заглянул, оттуда тоже тысячонок двадцать привез. Командировали мы парня в Вену за оружием и литературой, связались с анархистами Москвы и Петрограда — всем можно помочь, когда деньги имеешь!

В ночь на 28 июля мы вновь собрались в хате Левадного на совещание в количестве 17 человек и засиделись до глубокой ночи. Но нас выдали. Часа в три ночи хату окружила полиция. — Отворяй! — Дверь отворили. Произошла перестрелка. Прокофий Семенюта оказался тяжело раненым в бедро. Ворвавшийся в хату урядник Лепетченко тоже был тяжело ранен, и Левадный в горячке боя добил его. В перестрелке мы несколько раз наступали на полицию, револьверами и бомбами прокладывали себе путь. Старались запрячь коней в телегу, но при обстреле это оказалось невозможным. Решили рассеяться по селу. Несколько человек, преследуемые полицией, несли на руках раненого Прокофия. Стало рассветать... Прокофий доказывал: «Со мной вам не уйти, уходите сами; а меня оставьте, а то и вы пропадете». И его оставили. Утром Прокофия окружили крестьяне. Он рассказал им, что произошло в эту ночь.

Потерян фрагмент теста ??? сказал, что боролся против угнетателей, против царя и его холоуев, за свободу и коммунизм. Попросил крестьянин отойти в сторонку и застрелился.

Предателем оказался агент полиции Кушнир, который через несколько дней был пойман и казнен группой. Начались аресты.

Решено было оставить Гуляйполе и разъехаться по городам. Часть ребят все же осталась в Гуляйполе, а остальные разъехали кто куда — в Пологи, Бердянск, Александровск, Екатеринослав и т. д.

Но от полиции требовали ликвидации группы; на ноги было поднято все возможное. В середине августа пристав Караченцев узнал, что в Екатеринославе на конспиративной квартире находится А. Семенюта под именем Петра Коробки.

24 августа в пригороде Екатеринослава — Амуре был арестован Шмерко Хшива, и у него был обнаружен револьвер убитого урядника Лепетченко. Через день, там же на Амуре, в квартире Лесовского и Мартыновой были арестованы Шевченко, Левадный, Альтгаузен[40] и я.

Полицейским повезло, так как все мы были безоружны потому, что А. Семенюта взял у нас оружие для проведения экспроприации в Александровске. Тогда же, по телеграмме Караченцева из Екатеринослава, в Гуляйполе были арестованы Горелик, Чернявский, Махно, Ольхов, Онищенко.

Началось следствие. Применялось избиение, голод, запугивание, провокации, подсадка, ложные показания, подтасовка, очные ставки и т. п. Левадный выкладывал следователю все, что знал. Мы совершенно не были подготовлены к такой ситуации, не знали, как себя вести на следствии и наделали много глупостей. Всех запутали и только позже мы стали исправляться. Так повествовал Зуйченко.

Почти все сказанное Зуйченко мне было известно.

Еще с 1907 г. я знал, что наша новоспасовская группа анархо-коммунистов и идейно, и организационно, и тактически была связана с гуляйпольской.

Наряду с проповедью анархических идей они показали народу пути практические; террором и экспроприациями хотели продлить затухавшую революцию 1905 г.

И уже гораздо позже, когда появился доступ к архивам (в обвинительном акте от 14 декабря 1909 г., г. Одесса) можно было прочесть: «...ниже поименованные лица, не признавая себя виновными в предъявленных им обвинениях, объяснили:

1. Назарий Зуйченко – что данные им показания на дознании вынужденны побоями полиции и страхом перед такими побоями...
2. Иван Шевченко объяснил, что ни в какой шайке не участвовал и никаких преступлений не совершал. Ни в чем на дознании не сознавался.
3. Шмерко Хшива объяснил, что на дознании, под влиянием побоев полиции, он показал то, что говорил ему пристав...
4. Нестор Махно объяснил, что ни к какой шайке не принадлежал...»[41].

Почти все взяли свои показания обратно...

«Из приведенных по настоящему делу в качестве обвиняемых: Александр Семенюта и Вольдемар Антони, скрывшиеся при самом возникновении дела за границу, остались неопрошенными на следствии.

По полученным от них в Гуляйполе письмам, они проживают: Семенюта — в Бельгии, а Антони — во Франции. Азик Ольхов, будучи освобожден во время производства следствия из-под стражи и отдан под надзор полиции, скрылся за границу и по полученным от него письмам, проживает в Аргентине. Иван Левадный 30 мая умер в тифозном бараке Екатеринославской губернской тюрьмы. Шмерко Хшива приговором Временного военного суда в г. Екатеринославе от 26 мая 1909 г. присужден к смертной казни; 17 июня приговор приведен в исполнение...

Настоящее дело, отзывом Министра Внутренних дел от 21 октября

1909 года за № 109820 на имя Военного Министра, согласно 17 ст. Положения об усиленной охране, передано на рассмотрение Военного Суда, для осуждения виновных по законам

военного времени... обвиняются: Назар Зуйченко, Нестор Махно, Егор Бондаренко, Клим Кириченко, Филипп Чернявский, Иван Шевченко, Филипп Онищенко, Антон Бондаренко, Сергей Заблодский, Петр Онищенко, Наум Альтгаузен, Ефим Орлов и Лейба Горелик в том, что осенью 1906 года в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии в местности, объявленной состоящей на положении усиленной охраны, вступили в организованное в этом селе и руководимое двумя скрывшимися от уголовного преследования лицами преступное сообщество, поставившее заведомо для них целью своей деятельности открытое, путем угроз, насилия и посягательства на жизнь и личную безопасность похищение имущества Правительственных учреждений и частных состоятельных лиц, для осуществления каковой цели сообщество имело в своем распоряжении снаряды с взрывчатым веществом, револьверы «наган», «маузер» и других новейших систем, устраивало в избах некоторых из членов сообщества совещания, где разрабатывался план, приводимый впоследствии в исполнение, того или иного разбойного нападения, распределялись роли участников такого нападения, а также осматривалось и приводилось в надлежащий вид принадлежащее сообществу оружие...»[42].

Во время следствия, Число ??? апреля 1909 г., пристав Караченцев получил из Бельгии открытое письмо следующего содержания:

«Село Гуляй-Поле Екатеринославской губернии волостное правление, получить Караченцеву, черту рябому. Господин пристав, я слышал, что вы меня очень разыскиваете и желаете видеть. Если это верно, то прошу пожаловать в Бельгию, здесь свобода слова и можно спокойно переговорить. Александр Семенюта, анархист Гуляй-Поля»[43].

«...Что касается мотивов, которые руководили деятельностью группы, то о них давал показания Левадный. Он заявил, что вступил в группу немедленно по сформированию ее Антони, что мотивы его и других чисто политические, что все ее действия диктовались идеей “народной свободы...”»[44].

Находясь в Александровской тюрьме, арестованные готовили побег...

Временный военный суд в г. Екатеринославе в закрытом судебном заседании 20–22 марта 1910 года, имея в своем арсенале «обвинительный акт и дело в 8 томах, приговорил: Егора Бондаренко, Клина Кириченко, Ефима Орлова, Нестора Махно и Наума Альтгаузена к смертной казни через повешение. Сергея Заблодского и Казимира Лисовского к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на 6 лет каждого, а Марию Мартынову к заключению в тюрьме на пять лет.

Примечание: дело об остальных подсудимых выделено за болезнью Зуйченко, недоставлению в суд Чернявского, Филиппа и Петра Онищенко, неприбытием Антона Бондаренко и Лейба Горелика... № 91 марта 23 дня 1910 г. Екатеринослав»[45].

Ровно через год Временный военный суд в г. Екатеринославе в закрытом судебном заседании 18 и 19 марта 1911 г., выслушав дело... «постановил: Зуйченко и Чернявского подвергнуть смертной казни через повешение, Альтгаузена (по совокупности приговора о нем-же от 22-го марта 1910 г.) и Бондаренко отдать в исправительные арестантские

отделения сроком на шесть лет каждого. Филиппа Онищенко суд оправдал. Поводов к протесту не усмотрено.

Приговор представляется на утверждение командующего войсками Одесского Военного Округа... № 79 марта 20 дня 1911 г. г. Екатеринослав»[46].

Зуйченко продолжал: оставшиеся на свободе члены группы, лишившись активного ядра, продолжали влачить свое существование. Но по мере пополнения рядов группы чуждым анархизму элементом, стремившимся поправить свое личное хозяйство, наши организации разлагались. Когда-то единая группа, с 1908–1909 года распадалась на подгруппы: одна шла честным анархическим путем, вторая колебалась между первой и полицией, и третья группа — пассивная — не примыкая ни к первой, ни ко второй, жила своей собственной жизнью. Все, что попадало членам ее под руку, плыло в их хозяйство, на личные расходы.

Еще в 1905 г. группой было принято решение: «...пусть нас арестовывают, пусть судят, пусть вешают, только без физических оскорблений. За истязание и избиения, кто останется на свободе, должен мстить смертью...».

Примерно в феврале 1909 г. из Парижа в Россию выехали В. Антони и А. Семенюта с полными чемоданами литературы. Цель выезда — продолжить революционную борьбу и отомстить полицейским, виновным в истязаниях заключенных. После многих мытарств они наконец попали в Гуляйполе и нашли сообщницу в лице Маруси Продан. 17-летняя девушка согласилась быть разведчицей и вскоре доложила, что в театре «Колизей» будет спектакль, и Караченцев непременно придет. А. Семенюта ликвидацию пристава взял на себя, а Антони с Петром Онищенко выехали в Юзовку для ликвидации пристава сысской полиции — палача Михайловского. Михайловский получил две пули, а пристав Караченцев при выходе из театра был застрелен А. Семенютой. Свой долг перед заключенными Антони, Семенюта и Онищенко выполнили и в конце 1909 г. Антони и П. Онищенко, перейдя нелегально границу, уехали в Париж.

Семенюта остался и продолжал борьбу. Он был неуловимый, как призрак. Например, в Екатеринославе, прямо среди белого дня, на людной улице, вдвоем с Яковом Бондаренко[47] застрелили помощника пристава — палача Мрачека.

Прошло время, и в страду Александр вместе со своей боевой подругой и женой Марфой Пивневой[48] заехал в Гуляйполе. Остановились в доме Шаровских[49]. Но их выдали. Дом был окружен полицией и казаками, завязалась перестрелка. Полицейские подожгли хату и предложили всем из нее выйти. Александр с маузером в руке вышел на порог охваченной огнем хаты, посмотрел на казаков, полицейских, на стоящую вдалеке толпу крестьян — оценил свое безвыходное положение и вернулся в хату. Попрощался с Марфой. Выстрелил в нее... и застрелился сам. Но Марфа оказалась раненой и ее спас казак, вынеся из пылающего дома. Раненую ее доставили в больницу, вскоре она, окрепнув, бежала.

Зуйченко умолк взволнованный воспоминаниями.

У нас в Новоспасовке[50] (Мариупольского уезда) в 1905 – 1910 гг. события развивались примерно также. Был самочинный передел земли, свирепствовала реакция, были

арестованные и битые, пылали ночью поместья, стога, ветряные мельницы. Были листовки, мечты, надежды. В 1908 г. взамен казачьей сотни, для поддержания более жесткого порядка в бунтарском селе прибыл отряд ингушей, который пребывал здесь до 1910 г.

Многие замечательные товарищи, создавшие анархическую группу в Новоспасовке, такие как Белоус[51], Холодай[52], Середа[53], Красиков[54], Леденский[55], Добровольский[56] и другие, погибли, но воспитанное на революции старшими товарищами, историей и жизнью, молодое поколение в лице новоспасовской группы анархистов-коммунистов уже знало, что слово «анархизм» является со времен Прудона общеупотребительным для обозначения такого общественного строя, при котором самоопределение личности доведено до максимальных пределов, а верховное принуждение до минимальных. Знали, что анархизм — учение о безвластии, учение о совершенном обществе, которому не нужны ни государственный аппарат, ни правительство, ни чиновники. Учение это имеет свою историю. Еще за 300 лет до н. э. Зенон выдвигал идею безгосударственного общества, причем он считал, что сила взаимопомощи и любви, заложенная природой в глубине человеческого сердца, является рычагом и двигателем человечества к безвластию.

Годвин и Прудон явились первыми основоположниками анархической теории, общими положениями которой являются: отношение к государству и к человеческой природе. И если Годвин и Прудон были анархистами-эволюционистами, то позднейшие анархисты — М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и др. отвергли реформизм и на первый план выдвигали активную вооруженную борьбу со всеми современными буржуазными правительствами и государствами.

Правящая верхушка изображала анархиста бездушным и кровожадным преступником, пьяным громилой, держащим в одной руке нож, а в другой — бомбу, сеющим ужас и беспорядок, хаос и смерть. Создавались специальные теории об анархистах как о врожденных преступниках и дегенератах. Подводились «обоснования» биологического порядка, связанные с именем известного психиатра Ломброзо. Суть теории проста: определенные типы людей от природы предрасположены к преступлениям, и изменить их склонности невозможно.

«Биологическая» теория позволяла объявлять преступником от рождения кого угодно, и прежде всего политических противников. Делалось все, чтобы скомпрометировать анархизм — это социально-философское учение, проповедующее полное освобождение личности. Анархизм есть безначалие, безвластие, он отвергает все формы принуждения, кем бы то ни было возлагаемые на свободную личность.

В июле 1830 г. народ Франции был лишен плодов своей революционной победы, которые присвоила себе монархия Луи-Филиппа. Французские рабочие впервые вышли на улицы, и знамена их были черные. Мы знали, что черное знамя — это знамя обездоленных, бесправных, потерявших надежду на улучшение в жизни трудящихся г. Лиона, ставших в 1831 г. на путь борьбы за свои права.

М. А. Бакунин писал: «Мы от всего сердца питаем отвращение к монархии, но в то же время мы убеждены, что и большая республика с войсками и бюрократией и политической

децентрализацией будет заниматься завоеваниями вне и притеснениями внутри страны и не будет в состоянии обеспечить счастье и свободу своим подданным, хотя бы они и назывались гражданами».

П. А. Кропоткин же считал высшим законом для человека — закон развития от хорошего к лучшему. Для него государство — злодей, узурпатор, убивающий всякую свободную инициативу, налагающий на стремящуюся к свободе личность цепи принуждения и являющееся гробовщиком свободного общества. Ближайшей высшей ступенью общественного развития он считал — анархический коммунизм. В этом обществе будут обобществлены средства производства и продукты потребления, и в нем каждый получит по своим потребностям. Введение нового строя, учил Кропоткин, возможно только путем насильственного переворота, путем социальной революции... Мы знали, кто такие анархисты-коммунисты-«хлебовольцы», были знакомы с их программой, которая выдвигала в качестве основных принципов непримиримую классовую борьбу и насильственную революцию для осуществления социализма. Мы знали лозунги, тезисы, решения и других анархических групп: «Безначальцев», «Чернознаменцев», «Безмотивников», «Анархо-синдикалистов», «Махаевцев».

Наша новоспасовская группа анархистов-коммунистов к 1910 г. состояла из 20–25 «боевиков», в их числе: Т. Я. Вдовиченко[57], В. В. Куриленко[58], В. Т. Проценко[59], Л. Н. Бондарец[60], М. Ф. Фоменко[61], Ф. И. Гончаренко[62], А. Матросенко[63], В. Ф. Белаш (то есть я) и другие товарищи.

Зуйченко вновь продолжал: «Смертная казнь Махно, в результате его несовершеннолетия[64] в момент “преступления” была заменена бессрочной каторгой. Из Екатеринославской тюрьмы он был отправлен в московскую центральную Бутырскую каторжную тюрьму. В одной камере с ним находился, довольно известный среди анархистов Петр Марин[65] (Аршинов), который стал для Нестора учителем и идейным наставником, формируя в нем взгляды и убеждения анархиста.

В тюремной обстановке Махно был неугомонный — постоянно спорил, расспрашивал, буквально бомбардировал тюрьму перепиской. Проявлял крайнюю любознательность и настойчивость к самообразованию, и имел в этом большой успех. Считал, что красивее анархического мира идей ничего нет. Званием анархиста дорожил и гордился.

Стойкий, гордый, не мирившийся с полным бесправием личности бессрочника, закованный по рукам и ногам в кандалы, он всегда спорил с тюремным начальством, открыто выражая к нему презрение. Тюремщики, желая убить в нем гордыню, вечно морили его в карцерах и довели до туберкулеза легких, но нисколько не поколебали его воли. В этой дуэли, безусловно, победили бы власть имущие, но отсидев восемь лет и восемь месяцев, 2 марта 1917 г. он вышел из ворот Бутырки... Выйдя на свободу Махно одел темные очки, так как не мог привыкнуть к яркому свету дня и поспешил в Гуляйполе».

Зуйченко продолжал:

«Приехав домой, он поступил на работу на старое место — завод Кернера. За ним потянулись вернувшиеся Кириченко, Чернявский, я и другие уцелевшие каторжане. Нестора встретили как бывшего политзаключенного, пострадавшего от царизма за народное дело и оказали ему почет и доверие. На это он ответил активной деятельностью, часто выступает на митингах, печатает листовки, организует общественные организации, агитирует за «Вольные советы», «Власть на местах», непризнание власти Керенского, прижимает буржуазию.

К этому времени в Гуляйпольскую группу анархистов-коммунистов входили Савва Махно, Андрей Семенюта, Моисей Калиниченко, братья Григорий и Прокофий Шаровские, Филипп Крат, Лев Шнейдер, Павел Коростылев, Павел Сокрута, Алексей Марченко, Исидор Лютый и другие. За 11 лет организация выросла до 80 человек. В ее работу включился и Нестор Махно. Мы принялись организовывать свой клуб, объединили вокруг него молодежь, пропагандировали свои идеи.

В это время группа занималась подготовкой крестьян к организации Крестьянского Союза, готовила декларацию. К концу марта 1917 г. было положено начало организации Гуляйпольского Крестьянского Союза. В Комитет Союза избрали 28 крестьян. В него вошли и члены нашей группы анархистов-коммунистов. Крестьяне охотно шли к нам в Крестьянский Союз и его председателем избрали Н. Махно.

Посылая своих членов в общественные, государственные и советские организации, группа анархистов-коммунистов Гуляйполя преследовала цель сроднить все трудовое население с нашей группой и ее идеалами, не допустить властнических партий к населению района. Убедить трудовое крестьянство что землю и права на свободу самоуправления они могут получить только благодаря своим усилиям, проводя в жизнь революционно-анархические принципы. И в этом мы имели успех и понимание не только в районе, но и за его пределами.

Организовали при Совете рабочих и крестьянских депутатов комитет батраков и создали движение против помещиков и кулаков.

Рабочие металлисты, которые избрали Махно своим секретарем, стали объединяться с союзом деревоотделочников и также избрали его председателем.

Заняв пост председателя Совета профессионального союза, Махно открыл заседание и поднял перед хозяевами заводов вопрос об увеличении зарплаты рабочим. Хозяева ни под каким видом не соглашались. Тогда Махно заявил: «Не хотите удовлетворить наши законные требования? И не надо! Заседание объявляю закрытым. А для вас, господа, телеграфных столбов хватит». После этого заявления все требования были удовлетворены.

В июле 1917 г. нам удалось реорганизовать местный земельный комитет в районный и его председателем избрать Махно. Этот комитет под непосредственным руководством и с инициативы Махно подготовил незамедлительное распределение всей помещичьей земли и сельскохозяйственного инвентаря между крестьянами. В каждой сотне по селам были созданы комиссии по распределению и доставке на место назначения конфискованного у помещиков и крупных кулаков имущества и скота. Эти мероприятия проходили с большим

подъемом. Кроме того, организовали больничную кассу и также провели в председатели Махно.

Получив доступ к полицейскому архиву и разобрав его, мы ахнули узнав имена провокаторов и агентов бывшей царской охраны, прямо или косвенно участвовавших в раскрытии «Союза бедных хлеборобов» в 1908 г. и отправивших наших товарищей на каторгу и виселицы. К особо «старательным» решено было применить репрессии.

Нужно сказать, что Нестор Махно не имел организационных способностей. Он без толку вмешивался во все мелочи, и на этой почве было немало скандалов. Он перестал подчиняться секретариату нашей группы, членом которой был, и стоило много труда, чтобы уговорить его, повлиять на него.

Однажды в клубе мы спорили — быть или не быть Махно во главе гуляй-польских организаций. Вдруг заходит к нам Маруся Никифорова[66] с какими-то тремя анархистами. Она выступила против группы и Махно обвиняя нас в том, что мы стремились руководить селом, мало проповедывали идеи анархизма и слабо притесняли помещиков и торговую буржуазию.

Она заявила, что наша группа превратилась в какую-то политическую партию и отошла от своих бунтарских целей, что украинские партии объединились и создали националистический всеукраинский центр — Украинскую Центральную Раду. Одной из главных задач этой организации является укрепление буржуазного строя в России и на Украине. Народ вновь хотят держать в состоянии полного рабства, экономического и политического. Что русская действительность не только не соответствует воле народа, но он уже не может ее сформулировать и высказать. Что буржуазная революция почти ничего не изменила, особенно в низах.

— Мы должны поставить своей ближайшей задачей, — говорила Маруся, — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи функций самоуправления народу и обеспечить социальную революцию. Ничего не делая, мы проживаем капитал, и если так будет продолжаться, то мы рискуем забыть о подлинном своем назначении.

Триста лет существовал дом Романовых, — говорила она, — триста лет тирании; собака стала дороже человека. И все это подлецы узаконили. Триста лет накапливали гнев, миллионы борцов отдали жизни за светлое будущее. Священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению; революционная страсть, безграничная вера в творческие силы масс — вот та движущая сила, которая не должна нам дать самоуспокоиться. Наше дело — готовить массы к широкому народному восстанию и делать революцию не вместо народа, а вместе с народом.

Надо прямым насилием над буржуазией разрушить устои буржуазной революции и вести борьбу с украинским шовинизмом, — говорила она. — Надо добывать средства на литературу, надо захватить оружие.

— Но где взять оружие? — спросили мы. Маруся предложила обезоружить часть Преображенского полка, стоявшую неподалеку от Гуляйполя. Мы согласились.

Числа 10 сентября 1917 г. мы, человек 200, выехали поездом в Орехово. Оружия, за исключением десяти винтовок и стольких же револьверов, взятых у милиции, у нас не было. На станции Орехово мы оцепили склады полка и в цейхгаузе нашли винтовки. Затем окружили в местечке штаб. Командир успел удрать, а низших офицеров Маруся собственноручно расстреляла. Солдаты сдавались без боя и охотно складывали винтовки, а после разъехались по домам.

Маруся уехала в Александровск, а мы с оружием вернулись в Гуляйполе. Теперь было не страшно.

На расширенном собрании Крестьянского Совета и Гуляйпольской группы анархистов-коммунистов был образован «Комитет защиты революции», председателем которого был избран Махно.

Двадцать пятого сентября мы созвали волостной съезд и провели свою резолюцию относительно контрибуции и конфискации помещичьих земель в пользу общества. После этого помещики разбежались, а промышленная гуляйпольская буржуазия заплатила нам контрибуцию.

Месяц спустя уже работала типография, в которой печатались воззвания против Керенского, уже была настоящая власть «на местах», вернее — безвластие.

Некоторые товарищи организовали сельские коммуны в имениях Нейфельда и Классена, а также промышленную коммуну — механическую мастерскую. В сельскохозяйственной анархической коммуне, организованной в 1917 году, разместившейся в имении Классена, в семи верстах южнее Гуляйполя, трудились Рувим Баскин, Феофан Скомский, Алексей Марченко[67], Александр Лепетченко[68], Григорий Василевский[69], В. Антонов, Семен Каретников[70], Н. Воробьев[71], Калашников[72], Шушура, И. Костенко, я и другие. А вообще бедняки в коммуну шли с удовольствием, только ставили вопрос, чтобы в ней работали все без исключения. Они говорили: «сильно грамотных паразитов нам не надо, обойдемся без них...»

К началу октября 1917 г. на помещичьих и кулацких землях из сельскохозяйственных рабочих и беднейшего крестьянства мы в районе Гуляйполя организовали четыре сельскохозяйственные коммуны, общим числом свыше 700 человек[73]. Активность коммунаров была весьма высока — готовились к весне: ремонтировали инвентарь, чистили зерно, готовились к предстоящему севу, приспособляли постройки под жилища семей коммунаров и проч. В коммунах было организовано общественное питание. Землей коммунары наделялись по трудовой норме.

В конце ноября 1917 г. Махно женился на красавице из Бочан[74] Анастасии Васецкой и осел в коммуне.

Все шло как по маслу.

Неожиданно из Александровска приезжает один товарищ, не помню фамилии, и говорит, что на днях Маруся Никифорова арестована уездным комиссаром Михно[75]. Мы не долго думая, позвонили ему по телефону и спросили, правда ли это. Он ответил, что арестовал ее потому, что она наложила контрибуцию на заводчика Бадовского и обещал, если мы не будем подчиняться ему, арестовать и нас.

— Ах ты, проклятая душа, запомни, если не освободишь немедленно, то знай, что в эту же ночь запалим твое имение! — сказал ему Махно.

Было видно, что Михно Никифорову освобождать не собирается. Нужно было заставить его силой, следовательно ехать к нему.

Надо сказать, что военного подразделения как такового у нас еще не было. Винтовки, добытые в Преображенском полку, были на руках у товарищей, бывших с нами на операции. Когда мы начали созывать их на собрание с оружием, они не подчинились и говорили, что винтовки принадлежат только им и никому другому.

Мы нашли выход. В одну из ночей, собравшись в клубе, договорились идти к ним по домам и обезоружить, а в случае сопротивления — арестовать.

Ночью мы их всех обезоружили и десятка два арестовали, а утром объявили добровольную запись в «черную гвардию». Рабочая молодежь первая пошла нам навстречу, а за нею потянулись и кулацкие сынки.

Не успела наша «черная гвардия»(всего 60 человек) погрузиться в поезд, как начальник станции Пологи показал телеграмму из Москвы, в которой говорилось, что Временное правительство Керенского низложено и арестовано Петроградским Советом. Торжеству не было границ. Железнодорожники спешили к нам на митинг, который постановил организовать Пологовский Ревком, что и было немедленно исполнено.

Михно, узнав, что мы движемся на Александровск, освободил Никифорову, о чем сообщил нам по телеграфу.

Вернувшись обратно в Гуляйполе, мы получили телеграмму из Синельниково: «Двадцать седьмого октября Донской корпус Краснова[76] с Керенским идет на Петроград для усмирения большевиков...»

— Душить, топтать и притеснять буржуазию и офицеров! — пронеслось по Гуляйполю. Наша гвардия метнулась по имениям за оружием, контрибуцией и продовольствием. Мы знали, что придется воевать, и готовились к этому.

К двадцать четвертому октября 1917 года, когда В. И. Ленин писал письмо членам ЦК о немедленном взятии власти, в Гуляйпольском районе буржуазия была уже разоружена во всех отношениях, представители власти Керенского отсутствовали, проводилась активная работа по наделам земли, созданию коммун, созданию и укреплению общественных организаций и военной силы. В Гуляйпольском районе делать было нечего, поэтому на заседании группы было предложено расширить сферу нашего влияния в сторону Ростова.

Но Махно стоял на своем: «Посмотрите, у вас под носом до сих пор сидят ставленники Украинской Рады, сперва их бы надо вышибить из Александровска, а затем уж говорить о Ростове».

Мы начали готовиться к походу. На Украине запахло порохом. Рабочие организовывали дружины. В начале января 1918 г. командующий этими дружинами в Александровске Богданов обратился к народу с воззванием о помощи красногвардейцам.

Часть нашей «черной гвардии», избрав себе командиром Савву Махно[77], под общим командованием Нестора, числа 4-го января, выехала на помощь александровским рабочим и анархическому отряду Маруси Никифоровой. Маруся тогда работала с большевиками в революционном штабе, который состоял из левых социалистов-революционеров и большевиков, куда пригласили и Н. Махно, избрав его председателем военно-революционной следственной комиссии.

В городские дела мы не вмешивались, а под руководством С. Махно заняли Кичкасский мост через Днепр и разоружали казаков, бросивших внешний фронт и в полном вооружении идущих на Дон, превращенный царскими сановниками и генералами Калединым, Корниловым, Алексеевым в оплот контрреволюции, ставивший целью удушение революции и возрождение самодержавия и старых казачих привелегий.

Рядовые казаки охотно расставались с оружием, только просили оставить им лошадей и седла. А вот офицеры, наоборот, лошадей отдавали, а погоны и оружие — никак. Что с ними делать? Вначале просили, церемонились, а потом надоело. Как только кто заупрямится — возьмут за руки, за ноги, раскачают и — бултых в Днепр. Сколько их там было, не пересчитать!

Так прошел январь и наступил февраль восемнадцатого года.

На Украине началась немецкая оккупация. Был занят ряд крупных городов.

Противник подходил уже к Екатеринославу, и нам угрожала опасность. «Черная гвардия» была неспособна на какое-либо сопротивление, ибо, начиная от самого командира, Махно, и кончая гвардейцем, никто не знал толком, как надо обращаться с винтовкой. Вид-то у них, черногвардейцев, был страшен и суров: пулеметные ленты с патронами на плечах, за поясом торчало по два револьвера, были навешены ручные гранаты, из голенища выглядывали чеченские кинжалы. Но толку было мало. Никто не обучен. Все знающие военное дело, бросив фронт, сидели по домам.

Мы решили отправиться в Гуляйполе и там реорганизоваться. На станции Пологи от коммуниста-большевика Беленкевича[78] получили три тысячи винтовок, два вагона патронов, девять вагонов снарядов и шесть орудий.

Подъем настроения в Гуляйполе был невероятный. Проводились ежедневные митинги, на которых выступали Б. Веретельников[79], Н. Махно, Полонский[80] и многие другие, с призывами «вооружаться для защиты свободы». Началось объединение революционных сил. Был организован полк самообороны, около 5000 хорошо вооруженных бойцов из бывших

фронтовиков, командиром которого назначили Апполона Волоха. К оружию были допущены все желающие. От малого до старого стали вооружаться. Вокруг села готовили оборонительную линию. Особенно были «активны» зажиточные слои (активность их скоро проявилась в том, что они перешли на сторону наступающих оккупационно-гайдамацких войск), которые, расхитив добро помещиков, боялись, что вслед за германцами идут и сами помещики.

«Черная гвардия» прекратила свое существование, а возникла организация фронтовиков, внешне единая и дисциплинированная.

Наступал роковой для нас момент. Числа четвертого апреля пал Екатеринослав, восьмого был занят Харьков. Немцы двигались к Ростову, не заходя в Гуляйполе, как-будто там никого не было.

Пользуясь отсутствием в Гуляйполе анархического отряда, отправленного на фронт под Чаплине, бывшие офицеры А. Волох, Л. Сахно-Приходько, И. Волков, О. Соловей, Пидойма, В. Шаровский[81], Т. Бык, агроном Я. Домашенко нашли сообщников, организовали и возглавили переворот и готовились к встрече с немецко-австрийско-венгерскими оккупантами и войсками Центральной Рады. С подходом этих войск к Гуляйполю заговорщики заменили дежурную по гарнизону роту на еврейскую (центральную) роту, на которую воздействовала еврейская община, запуганная националистами. Она-то и сыграла решающую роль, произведя аресты членов революционного комитета, Совета рабочих и крестьянских депутатов, активных членов группы анархистов-коммунистов. Под вечер, — продолжал Зуйченко, — заходит в штаб Василий Шаровский[82] и говорит: «Фронтовики драться не будут и хотят вас всех арестовать. Они настаивали, чтобы я навел на штаб орудия и расстрелял вас. Я пришел об этом известить».

Лев Шнейдер, наш бывший групповик, первым ворвался в помещение бюро нашей группы, где рвал знамена, срывал со стен и топтал ногами портреты Бакунина, Кропоткина, покойного групповика Саши Семенюты.

Вошедшим в Гуляйполе оккупантам заговорщики преподнесли в дар наши орудия, пулеметы, несколько сот винтовок, а на митинге тот же Лев Шнейдер произнес гнусную речь. Но гайдамаков и это не расположило и все равно звучали лозунги: «Бей кацапов и жидов — спасай Украину!».

Махно с нами в это время не было, он находился в штабе командующего красногвардейскими отрядами Егорова.

Отряд коммунаров и некоторые черногвардейцы успели добраться до Полог и по железной дороге отступить на Таганрог. В последних числах апреля 1918 г. в г. Таганроге в доме Федерации таганрогских анархистов нами была проведена конференция группы анархистов-коммунистов Гуляйполя, на которой наши группировки приняли ряд решений и одно из них — в первых числах июля быть в Гуляйпольском районе и вступить в борьбу с оккупантами за идеалы революции. Там наш отряд пришлось распустить. Часть бойцов влилась в большой анархический отряд Маруси Никифоровой, который, придерживаясь

берега Азовского моря, с боями отходил через Бердянск, Мариуполь, Новоазовск, Таганрог на Ростов, сдерживая фронт против германцев... Я из-под Таганрога вернулся назад и скрывался до тех пор, пока не началось восстание. Махно же, видя полнейшее несогласие между партиями, через Царицын, решил попасть в Москву для встречи с ведущими анархистами, для консультации и выработки программы дальнейших действий. Он побывал в городах Поволжья, встречался с людьми, ходил, прислушивался, смотрел, взвешивал, делал выводы. В Москве он встречается с лидерами различных анархических течений — с А. Бобровым, Л. Чёрным, П. Аршиновым, И. Гроссманом и другими, участвует в дискуссиях, посещает теоретика анархо-коммунизма П. А. Кропоткина. Через Я. М. Свердлова имел встречу и беседу в Кремле с В. И. Лениным[83].

В результате встреч и наблюдений Махно пришел к выводу, что взявшие власть в руки и создавшие блок партий, большевики и левые эсеры не являются тем союзом, который необходим революции в момент столкновения труда с капиталом, государственного насилия со свободой самоуправления. В революции наблюдается застой. На нее надевают петлю все политические партии. Революция попала в западню государственности и, барахтаясь в ней, бледнеет, меркнет и, разуверываясь, становится равнодушной.

Свершенная народом революция несла в себе совершенно другое: она несла права на свободу и вольный труд, в корне разрушая всякую опеку власти над трудящимися. Понял, что свободой пользуются не народы, а партии. Не партии служат народам, а совсем наоборот. Сейчас уже в делах народа упоминается лишь его имя, а вершат дела партии. Власть взяла на себя роль определить степень революционности и законности не только отдельного человека, но и целого трудового класса, право на выявление своего разума, своей воли, своего участия в деле революции. И Махно писал из Москвы товарищам в Гуляйполе:

«Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы вступить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему, не эксплуатирующему чужого труда, населению жить свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, и строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде.

Да здравствует наше крестьянское и рабочее объединение!

Да здравствуют наши подсобные силы — беспартийная трудовая интеллигенция!

Да здравствует Украинская социальная революция!

Ваш Нестор Иванович, 4 июля 1918 г.»[84].

То, что творилось в Москве в верхах руководства, то есть теоретиков и пропагандистов, трудно увязывалось с практическими действиями о которых он думал.

Теоретики были, советы давали, порой исключаящие друг друга, а вот чтобы возглавить практическое осуществление мечты анархизма-коммунизма, людей не было. Практическое

осуществление проблемы должно было вносить жизненные поправки в теорию, а все это впервые в истории, и путь неизведан. Нужны энтузиасты. Нужна идея, которая волновала бы всех и предлагала бы то, чего еще не было, обеспечила бы раскрепощение экономическое и политическое, была бы проста и понятна всем, и достичь ее можно было не в загробном мире, а при жизни.

Махно пришел к выводу, что мировой революции может не быть, а построить анархо-коммунистическое общество в определенном районе можно.

Гуляйполе же 22 апреля 1918 г. заняли оккупанты и гайдамаки. Предатели лакейски прислуживали им, вручая списки участников самообороны и «черногвардейцев», имеющих оружие, участников раздела земель и инвентаря помещиков, лиц, нелестно высказывающих свое мнение и т. д.

Было организовано волостное управление, державная варта и прочее. Оккупанты объявили приказ о сдаче в 24 часа оружия, требовали свезти все взятое у помещиков имущество, инвентарь. И этот приказ с радостью бросились исполнять немецкие прихвостни. Начались аресты, расправы, наложение контрибуций, конфискация имущества, система заложников, избивание шомполами. У помещения волостной управы на столбах и деревьях было повешено семь человек, среди них Семен Никущенко, Василий Похила, Ефим Стадниченко, Илья Кузьменко. Тела повешенных хоронить было запрещено, их через несколько дней, неизвестно где зарывали сами оккупанты. Были расстреляны: Моисей Калиниченко, Павел Кузьменко, Иван Махно, М. Кириченко, Н. Кульбашный и многие другие. Тогда же у Нестора Махно сожгли все подворье и расстреляли его брата Емельяна. Много людей было казнено в прилегающих к Гуляйполю селах.

Гуляйпольский гарнизон вначале состоял из чехов и словаков, которые понимали язык и общались с населением, но потом его заменили на отряд мадьяр с австрийским офицерским составом. Зверствам этого отряда не было предела.

— Вот так-то, — со вздохом закончил Зуйченко свое повествование, — уже язык заплетается.

На дворе светало, в городе погасли огни. Слушатели устали и, зевая во весь рот, ругали фронтовиков. Потом мы крепко уснули.

— Ну, что, едем вместе? — спросил меня Зуйченко, когда проснулись.

— Поедем вместе! — ответил я. — Лелея мечту с головой войти в махновское движение.

По рассказу Зуйченко, я представлял себе махновщину как анархо-советское движение, в котором, естественно, должна была быть политическая, военная и гражданская организации, способные давать направление восставшему народу. Когда, бывало, случайные люди, проезжавшие махновский район, рассказывали противоречиво, что Махно — неуловимый, непобедимый палач буржуазии и благодетель пролетариата, или, что Махно — суровый, беспощадный деспот, убийца и громила, которого мир не знал, что Махно, подчинив себе деревню, разрушает железную дорогу, грабит рабочие организации и

кооперативы, — я терялся. И что-то во мне шептало: не верь, поезжай, убедишься:

Мы поехали...

Подъезжая к станции Волноваха, наш поезд остановился у светофора. Вдруг справа от насыпи — залп, другой...

— Что это? — спрашивали пассажиры выглядывая из вагонов.

Моим глазам представилась кровавая картина. Пять неизвестных в одном белье лежали на земле расстрелянные...

Мы подъезжали к фронту. На станции Розовка толпился какой-то отряд. Судя по одежде, можно было подумать, что это какие-то артисты отправляются на гастроли. Здесь были украинские вартовые, старики с красными лампасами с Дона, немцы с ближайших колоний, государственная стража Деникина и австрийцы. За светофором стоял бронепоезд, на котором русский офицер в бинокль осматривал далекий горизонт. Австрийские офицеры на перроне о чем-то горячо спорили. Из немецких колоний тянулись подводы с продовольствием.

Как я узнал, это был смешанный отряд под командой генерала Май-Маевского[85]. Австрийцы собирались уходить на Волноваху, а на их место ожидали прибытия чеченской дивизии. Как и на Волновахе, здесь поезд осмотрели, проверили документы, а затем мы поехали дальше.

Отъезжая, я посмотрел в окно на дорогу, ведущую со станции в ближайшую немецкую колонию. На деревьях, вдоль дороги, болтались вытянувшиеся человеческие тела, рядом толпились солдаты. Повешены были пленные махновцы.

По обе стороны дороги виднелись окопы, в которых спали солдаты непробудным сном. Далее тянулась новая линия укреплений, опутанная колючей проволокой, впереди рыскала кавалерийская разведка белых. Разведчики остановили поезд и сказали, чтобы на паровозе вывесили белый флаг. Мы въезжали в район, занятый Махно. Передовая группа махновцев, видимо аванпост, поднявшись из окопов, остановила поезд. Они, как и белые, прошли вагоны, осмотрели вещи, проверили документы и отпустили нас, за исключением трех немцев.

— Сюда, хлопцы... это же из Розовки!.. Я их, тварей, всех знаю, — выталкивал из вагона трех немцев высокий, худощавый махновец. Они упирались. Группа махновцев подбежала к ним с криком: «А, вот они, голубчики! В разведочку приехали?»

— А-ну-ка, Крейцер, сознавайся, где сыновья? В карательном отряде? А помнишь, как я служил у тебя? Помнишь, как я в Красную гвардию записался? А помнишь, как ты и сыновья твои привели карательный отряд в Темры и хату мне сожгли? — допрашивал коренастый, средних лет, мужчина. Немец только пожимал плечами и плакал.

— Скидай, скидай одежду, видишь — люди голые, да живее поворачивайся! — проговорил командир. — Ану, хлопцы, в штаб Духонина их! — отдал он распоряжение и, повернувшись, приказал машинисту трогать.

Я видел, как их кололи штыками, били прикладами, как они, падая, бежали от полотна в поле, как махновцы нагоняли и снова кололи...

Мы подъехали к семафору. Станционные пути были заняты, и надо было ждать. Я вышел из вагона и оторопел: целая стая собак, походивших на волков, грызлась между собой в стороне от полотна, в глинистом карьере. Одна из них силсилась перетащить что-то через рельсы. Приблизившись, я с ужасом увидел, что это была человеческая нога в сапоге.

С полотна ясно было видно дно карьера. Самая большая собака сидела на задних лапах и как бы охраняла груды трупов, которых, как мы после узнали, было двести. Десятка два собак, поменьше, усевшись кольцом в отдалении, визжали, как бы упрашивая главаря допустить и их. Но тот огрызался. Наконец, это ему, видимо надоело. Он стал на ноги, прошелся по трупам, отошел в сторону и начал выть. Остальные собаки бросились к трупам и начали их терзать.

У меня не было сил смотреть на это. Я бросил в собак камень. Все они, как по команде, громко завывали. Собаки озверели, приобрели волчьи наклонности. «А люди, — подумал я, — чем лучше волков?»

Враждующие лагеря истребляя друг друга, истязали взятых в плен. Будь то насильно мобилизованный или доброволец, попадая в плен, не оставался в живых. Если это был махновец, его белые поджаривали, то есть сжигали на кострах, или после пыток вешали на столбах. Если это был белый, махновцы рубили его на мелкие куски саблями или кололи штыками, оставляя труп собакам...

— Здравствуй, Виктор! Откуда? Жив? Группа повстанцев бежала ко мне. Я узнал своих односельчан-единомышленников из новоспасовской группы. Потекла беседа под разрывы шрапнели.

Новоспасовский отряд под командою Куриленка и Бондарца, численностью в 700 человек, охранял цареконстантиновский участок.

Месяц тому назад, под руководством местной анархической группы, Новоспасовка восстала, и после того как была разбита австро-германцами, сохранившийся отряд ушел в Азовское лесничество, а потом присоединился к Махно.

Куриленко был начальником гарнизона, и ему подчинялись все стоящие там отряды: Раздорский, Воскресенский, Поповский и Пологовский. Минувшей ночью белые повели наступление со стороны ст. Розовка на Цареконстантиновку, желая отбить ее как узловую станцию. Но после четырехчасового боя, бросая оружие, в панике бежали обратно, оставив двести пленных, которые были отведены в карьер и зарублены.

Мы зашли в штаб и сели за стол, на котором появился украинский борщ и полдюжины бутылок австрийского рома.

Вечером было заседание новоспасовской группы анархистов и командиров отрядов, подчиненных Куриленко. После обсуждения текущего момента, по поручению группы, выступил я. Рассказал о ранее принятом группой решении по подготовке восстания, вооружении повстанцев, организации военных единиц, централизации военного управления, необходимости проведения повстанческого или рабоче-крестьянского съезда. Отчитался о командировке на Кавказ. В заключение я сказал, что отрядная система — это позавчерашний день, это лишние жертвы и страдания, это отсутствие возможности наступать дальше своего села, отсутствие тыла и флангов, отсутствие снабжения, лазаретов, пополнения, резервов и т. д. Побеждать регулярные войска противника можно только хорошо организованными, вооруженными, дисциплинированными; управляемыми штабами войсками. Все были «за». Этим же решением мне поручалось подготовить войсковой съезд южного участка фронта, и все вопросы решить на нем. Для претворения решения в жизнь мне надо было к 25 декабря 1918 г. быть в Гуляйполе в главном штабе батяки Махно: для согласования вопросов координации действий и ознакомления с положением на фронте.

От Куриленко я узнал, как бедствует моя семья, и заколебался — ехать ли в Гуляйполе или домой, в Новоспасовку? Я вспомнил о жестокой расправе с моей семьей в конце мая 1918 г. Это случилось так.

Подготавливая почву для высадки десанта из Ейска, я отправился в Мариупольский уезд. Для обсуждения вопроса о восстании я назначил на 15 мая совещание в Пологах. Объездив Екатеринослав, заглянув в Александровск и увидев товарищей по подполью, просил их прислать своих представителей на собрание.

Надо было спешить, ибо наш десант в Ейске был готов и ждал моего возвращения.

Мы дали клятву начать борьбу. И она началась двадцать первого мая 1918 г. Я спешил в Новоспасовку. При помощи отца разыскал своих групповиков.

В ночь на двадцать пятое мая тремя подводами мы выехали в сторону Мариуполя. Нас было двадцать человек с пятью винтовками и десятью револьверами.

Нам удалось обезоружить проезжающих в степи австрийцев и вартовых. От них мы узнали, что из Мариуполя на Новоспасовку идет рота австрийцев. Мы цепью залегли в траве.

Как только подъехала полурота, я встал и скомандовал: «Первая цепь в атаку, вторая на месте!» (а у нас только одна и была).

Австрийцы сдались, и мы их обезоружили.

Они уехали на Новоспасовку, а мы скрылись на Николаевских хуторах.

Было решено собрать своих людей, вручить винтовки и ожидать высадки десанта в селе Урзуфе.

Среди нас оказался провокатор. Начались аресты. Дошла очередь до соседнего с нами двора.

В это время в кустах отцовского сада скрывался Владимир Проценко. Заметив отряд вооруженных австрийцев, он схватил винтовку и первым же выстрелом уложил одного из старших офицеров. Тогда явился весь местный гарнизон. Солдаты оцепив дом моего отца, начали выволакивать всех в нем живущих. Сначала притащили моего деда, семидесятилетнего старика, потом отца. Он точно окаменев, стоял у стены рядом с дедом растеряно глядевшим по сторонам. Потом появилась третья жертва — троюродный брат Петр[86]. Раздалась команда: «Пли!»

Но — ни звука. Солдаты отказались исполнить приказание. Возможно их остановили дети. Отец держал на руках трехлетнюю дочь, старик — шестилетнего внука.

Остервеневших офицеров не смутил отказ солдат. Загремели выстрелы из офицерских «кольтов».

Но этим офицеры не удовлетворились. Выносились вещи, вносились связки соломы. Загулял красный петух[87].

— Новоспасовка дала только семьсот человек? — спросил я Куриленко. — Э, брат, веревку надо раскачивать дружнее!

С кавалерийским отрядом в 15 человек я выехал туда.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 22:23:14

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 16 декабря 2025 15:56:17